

Блеск и нищета интерпретации: Х. Штайнталь и «достроенный Гумбольдт»

О. А. Радченко¹, Р. С. Аликаев²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, radoleg@gmail.com

²Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия, ralikaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена статусу гумбольдтианства как направления в лингвистических исследованиях XIX века и ревизии претензий Х. Штайнталья на роль ученика и последователя В. фон Гумбольдта. Авторами использованы нарративный и текстологический методы исследования трудов В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталья. Основной вывод статьи заключается в несостоятельности тезиса о миссии Штайнталья как внимательного интерпретатора и популяризатора учения Гумбольдта.

Ключевые слова: гумбольдтианство, Штайнталь, Гумбольдт, нарративный метод, ревизия историографии лингвистики

Для цитирования. Радченко О. А., Аликаев Р. С. Блеск и нищета интерпретации: Х. Штайнталь и «достроенный Гумбольдт» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (884). С. 33–40.

Original article

The Splendors and Miseries of Interpretation: H. Steinthal and the “Completed Humboldt”

Oleg A. Radchenko¹, Rashid S. Alikaev²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, radoleg@gmail.com

²Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russia, ralikaev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the status of Humboldtianism as a direction in linguistic research of the 19th century and revision of H. Steinthal's claims to the role of W. von Humboldt's student and follower. The authors have used narrative and textual methods to study the works by W. von Humboldt and H. Steinthal. The main conclusion of the article is inconsistency of the thesis of Steinthal's mission as a careful interpreter and popularizer of Humboldt's teachings.

Keywords: Humboldtianism, Steinthal, Humboldt, narrative method, revision of linguistic historiography

For citation: Radchenko, O. A., Alikaev, R. S. (2024). The splendors and miseries of interpretation: H. Steinthal and the “completed Humboldt”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884). 33–40.

ВВЕДЕНИЕ

История языкознания полна парадоксов. Мы считываем начало теоретического языкознания от XIX века – периода, когда были разработаны два первых воистину научных метода, сравнительно-исторический и типологический [Алефиренко, 2013; Даниленко, 2016; Лукин, 2015]¹. У истоков этого открытия стоял В. фон Гумбольдт – человек, не имевший никакого лингвистического образования, ученой степени (как у Х. Штайнталя) или опыта работы в академической среде (в отличие, скажем, от А. В. Шлегеля), но написавший, несмотря на это, целый ряд грамматик америндских языков (майя, отоми, тарахумара и др.) и значительное количество работ по философии языка [Humboldt, 2009]. Небольшая часть этих работ была издана в 1836–1839 годы, несколько больше статей вошли в собрание сочинений в 1903–1912 годы, однако большая часть манускриптов погибла в берлинских пожарах во время Второй мировой войны [Brenner, 2017, с. 7]. Это сделало невозможным восстановление всего грандиозного здания сравнительного языкознания, задуманного и основанного великим Гумбольдтом, и превратило любые рассуждения о его концепции в нечто фрагментарное и субъективное.

Этой фрагментарностью и субъективностью отличалось и гумбольдтианство, если под данным общим термином можно было бы объединить разрозненные концепции исследователей, не связанных друг с другом общей научной школой. Существование гумбольдтианства – одна из данностей лингвистической историографии [Радченко, 2007], но хронологически первый «гумбольдтианец» – Ф. Бопп – не был в собственном смысле учеником Гумбольдта и даже, более того, – он увел сравнительное языкознание далеко от той цели, которую преследовал Гумбольдт, игнорируя его предостережение: «Сравнительное изучение языков, тщательное исследование многообразия, которым многочисленные народы решают одну и ту же, заложенную в них как людей задачу формирования языка, теряют всяческий высокий интерес, если это не связано с той точкой, в которой язык взаимосвязан с формированием силы национального духа» [Humboldt, 1848, с. 1–2].

При этом возможно с большой уверенностью утверждать, что Гумбольдт в своих исследованиях полагался на мнение Боппа как знатока языков. Так, в предисловии к первому изданию «О языке кави на острове Ява» (1836) А. фон Гумбольдт отдает должное влиянию Боппа: «Во всем, что

касается философии языковедения или в особенности организма языка санскрит, мой брат с доверием беспрестанно консультировался по поводу своего труда о языке кави вплоть до своей кончины с человеком, который был связан с ним узами многолетней проверенной дружбы и взаимного уважения и который оказывает постоянно растущее влияние на направление сравнительного, общего языковедения своим острым умом и неутомимой деятельностью. Господин профессор Бопп получал от ушедшего в вечность каждую готовую страницу первого тома с просьбой о строгой критике» [Humboldt, 1907, с. 346–347].

Парадоксальным оказывается при ближайшем рассмотрении и отношение к Гумбольдту того исследователя, который считал себя его верным последователем и интерпретатором – Х. Штайнталя. Творческие метания основоположника этнопсихолингвистики в существенной степени обусловлены тем, каким образом он извлекал важные для себя идеи в процессе чтения гумбольдтовых работ.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для сопоставления концепций В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя следует обратиться к их оригинальным трудам, а также критическим работам, посвященным вкладу Штайнталя в формирование языкознания второй половины XIX века [Bondi, 2021; Klautke, 2016; Waller, 2006; Wiedebach, Winkelmann, 2002]. Эти научные публикации подлежат метакритическому анализу с целью предложить обоснованный научный нарратив, призванный проверить истинность тезисов, распространенных в современной историографии лингвистики, в частности, о значительной роли Штайнталя в интерпретации и популяризации трудов В. фон Гумбольдта во второй половине XIX века.

«ДУХ НАРОДА» И ДРУГИЕ «НЕЯСНОСТИ» ГУМБОЛЬДТА

То, значение, которое придавал идеям Гумбольдта двадцатипятилетний Штайнталь, обнаруживает себя уже на титульном листе его докторской диссертации, где под броским основным заголовком «Языкознание Вильгельма фон Гумбольдта» следует набранное мелким шрифтом «и философия Гегеля» [Steinthal, 1848]. В появлении этой диссертации многое удивляет: и резкий поворот к общему языкознанию от кандидатского исследования относительных местоимений, и то, что для создания труда, содержащего сопоставление взглядов двух великих философов, ему потребовалось всего два года. Однако удивляет и тон, избранный

¹ См. также Нелюбина, Хухуни (2008).

Штайнталем для характеристики идей Гумбольдта, изложенных на тот момент в первых изданиях его работ (к началу 1848 года вышли пять томов собрания сочинений, но самый важный – шестой том с введением в труд о языке кави, появляется практически одновременно с публикацией диссертации Штайнтала). Примечательно, что научными консультантами Штайнтала по этой диссертации выступали Ф. Бопп и А. Тренделенбург [Bondi, 2021, с. 2].

Основным мотивом этой диссертации, наряду с комплиментарной частью, была резкая критика образа мышления и формулировок Гумбольдта, разного рода «неясностей» в его трудах. Штайнталь отмечает, что Гумбольдт оказался не в состоянии учитывать «тот логический закон, по которому силу и проявление, сущность и явление нельзя разрывать и фиксировать каждое в отдельности; когда он верно находил одно в другом, то он еще раз вопрошал о характеристиках силы, не имеющей никаких иных характеристик, кроме существования в проявлении» [Steinthal, 1848, с. 27]. Штайнталь представляются нелогичными рассуждения о духе (Geist), который определялся Гумбольдтом то как «только деятельность», то как «некая духовно существующая субстанция в ее блеске». Таким образом, как заключает Штайнталь, Гумбольдт «сам создал себе неясности, которых нет, и закреплял эти созданные им самим неясности в предполагаемой силе, которая, однако, вне проявления есть самое неясное ничто» [там же, с. 28].

Штайнталь пытался, конечно же, найти объяснения для столь туманных формулировок и не менее туманных, по его мнению, размышлений лингвистического гения. Ему представляется очевидным то, что Гумбольдт в молодые годы слишком погружался в чтение трудов Иммануила Канта. Кроме того, в своих размышлениях Гумбольдт нередко высказывал столь оригинальные и непривычные мысли, «к коим языковая форма способна прильнуть не сразу» [там же, с. 30]. В качестве примера он усматривает следующую аналогию: конкретные «духи народов» соотносимы с «всеобщим духом» так же, как отдельные этнические языки – с некой универсальной «языковой идеей»: «Они суть различным образом происходящее воспламенение и раскрытие последней; эта последняя лишь в них обретает свое существование» [там же, с. 40]. Приписывая эти мысли Гумбольдту, Штайнталь подчеркивает принципиальную равноценность этнических языков как таковых, которые «нельзя рассматривать как некие неудачные, неуклюжие попытки, из коих всякая потому была бы новым путем осуществления единого идеала языка, что другая не смогла привести к этому результату; нет,

в каждом из языков этот идеал с одной стороны осуществлен совершенно» [Steinthal, 1848, с. 44].

Интерпретируя таким образом дихотомию «Ganzheit / Totalität», действительно присутствующую в работах Гумбольдта, в том числе и в данной терминологической паре, Штайнталь отказывается от попыток выявить в каждом языке специфику «народного духа» (проще говоря, этническую логику, к примеру, в номинации или фразеологии) и призывает обратиться к «священной речи»: «Лишь ее следует вообще всегда рассматривать во всех исследованиях, кои должны вникнуть в живую сущность языка, как единственно истинное и первейшее» [там же, с. 74–75]. Совокупность всяческой индивидуальной речи и сотворяет специфику национального языка, полагает он, поэтому каждый носитель языка «тем же способом воспринимает то же внешнее воздействие... и стремится воздействовать на других тем же способом» [там же, с. 56]. В итоге нация трактуется им как «человеческая индивидуальность, которая следует по своей внутренней духовной колее» [там же, с. 53], что позволяет услышать первые ноты будущей этнолингвистики в версии Штайнтала.

Основным приемом молодого Штайнтала в процессе извлечения квинтэссенции гумбольдтова воззрения на язык и нацию становится наполнение терминов, не получивших у Гумбольдта какой-либо четкой дефиниции, собственными идеями. Так случилось с «внутренней формой» (inhere Sprachform), которую он поначалу воспринимает как синоним грамматики, отмечая, правда, при этом важность раннего периода формирования языков, когда при ее образовании действуют все силы умонастроения, чувство, фантазия и разум, причем все эти силы проявляют себя «своеобразным, соответствующим природе народного духа способом; разум может даже подвести человека ошибочными или даже ложными различениями и комбинациями к формам более произвольным, нежели обусловленным воистину логическими законами мышления» [там же, с. 111]. Необходимо отметить, что, в противовес неогумбольдтианству первой половины XX столетия Штайнталь не рассматривает внутреннюю форму как уникальную базовую характеристику каждого конкретного языка. По его мнению, эта характеристика присуща целым языковым семьям, что обуславливает фундаментальное единство тех самых «умонастроения, чувства, фантазии и разума» первобытных коллективов на стадии создания праязыка. Это рассуждение по сути, отвергает вероятность того, что конкретное языковое сообщество сможет формировать свою картину мира в процессе идиотического познания – а именно на этом будет

базироваться восьмьюдесятью годами позже вся теория языковой категоризации действительности в неогумбольдтианской версии.

Своеобразный «антиментализм» Штайнтала отражается и в его тезисе о речи как исключительном вместилище внутренней формы, «акте самоосвобождения духа народа», и «если вообще существует хоть какое-либо различие между языками, то оно должно заключаться в первых двух принципах – в звуковой форме и использовании. Но звуковая форма – не просто звук, а такой звук, в котором заключена внутренняя форма языка. Оба они неразрывны, и каждый как таковой и в своей взаимосвязи они вызывают различие между языками» [Steinthal, 1848, с. 105, 137]. К такому одностороннему акцентированию речи он добавляет и понимание грамматики как истории этнической логики, оставляя за пределами своих интересов другие аспекты процесса идиоэтнического языкового мирозидания, в частности, отражение опыта освоения окружающего мира в лексических парадигмах, словообразовательные ресурсы, культурно значимые фразеологические единицы, все сколько-нибудь связанные с культурой и бытом языкового сообщества прецедентные феномены и пр. Первая попытка «духовного присвоения» идей Гумбольдта Штайнталем зиждется на комплексе недоразумений, приводящем его к совершенно новой, оригинальной теории, не имеющей, впрочем, ничего общего с наследием Гумбольдта, кроме нескольких произвольно толкуемых терминов [Радченко, 2001].

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ ЯЗЫКА

Размышления о «языковой идее» и «внутренней форме» продолжает его «Классификация языков», вышедшая в свет через год после защиты докторской диссертации [Steinthal, 1850a]. Здесь мы обнаруживаем нечто новое – противопоставление неких априорно существующих форм мышления и формы языка, которая трактуется как собственное творение человека. Форма языка «охватывает законы, согласно которым он представляет самому себе свой внутренний мир, да и только созидает его» [там же, с. 60]. Не менее показательными кажутся признание идентичности мыслительных содержаний у всех народов и приравнивание различий между языками только лишь к расхождениям в их грамматическом строе [там же, с. 62].

Помимо весьма узко трактуемой внутренней формы языка, Штайнталь обращается к внутреннему смыслу языка (*innerer Sprachsin*), «лингвосозидающему духу, или народному сознанию» [там же,

с. 71]. Деятельность «личностей с бесконечным языковым сознанием» образует своего рода промежуточный элемент между ними. Выстроив цепочку *народное сознание – речевая деятельность индивидуальных личностей – внутренняя форма языка (его типологические характеристики)*, Штайнталь исключительно обедняет идеи Гумбольдта, одновременно обвиняя его в абсолютизации языка, так как «язык превращается у него в *causa sui*, в субстанцию, в нечто непосредственное, то есть “непостижимое”» [там же, с. 27], а целостность (т. е. в понимании Штайнтала – языковая идея) – в нечто потустороннее [там же, с. 38].

Здесь Штайнталь продолжает свою критическую линию, приписывая Гумбольдту аморфный мистицизм, отсутствие стиля, бесформенность введения в работу о языке кави, которую на этот раз Штайнталу удалось перечитать [Steinthal, 1850a, с. 22]. Гумбольдт не способен осознать взаимосвязи между духом и языком, предлагает во многом сомнительное, с точки зрения Штайнтала, определение внутренней формы и недостаточно четко определяет отношения между языком и мышлением [там же, с. 28–31]. В результате такого «прочтения» у его автора не мог не возникнуть вопрос, как столь противоречивая, нелогичная и отдающая мистицизмом теория могла оказать столь мощное влияние на науку о языке XIX столетия.

На самом деле в других публикациях 1850 года Штайнталь обращается к кажущейся ему парадоксальной значимости трудов Гумбольдта. Анализируя состояние языкознания второй половины XIX века, он ставит перед собой довольно странную задачу – «объяснить тот примечательный факт, что труды Гумбольдта, из коих последний и самый значительный по объему и глубине приобрел известность пятнадцать лет назад, стали источником многообразного и сильного воздействия посредством отдельных положений, кои всё же вовсе не всегда понимались в духе Гумбольдта» [Steinthal 1850b, с. 214]. Воздействие Гумбольдта на языковедов трактуется им, тем самым, как чистое недоразумение, поскольку «эти труды вовсе не представляли собой цельную концепцию и не оказали на языковедение непосредственно созидающего влияния» [там же]. Однако Штайнталь не готов признать свою герменевтическую несостоятельность и неспособность языковедов его времени мыслить на уровне основателя теоретического языкознания. В сложившейся ситуации он винит самого Гумбольдта: «Причину тому следует искать преимущественно не в языковедах..., а в самом Гумбольдте, его абсолютной непонятности. Эта непонятность есть прежде всего продукт темного изложения» [там же, с. 215].

Тем самым Штайнталь рисует себе и своим читателям портрет восторженного Гумбольдта, который «описал чудо языка и именно поэтому не постиг язык как таковой», «не понимал, как язык вообще взаимосвязан с духом», «не понял отношения языка и мышления и, следовательно, отношения грамматических категорий к логическим», «не осознал ... сущность и отношение различия между языками» [Steinthal, 1850в, с. 216–217]. Совершенно очевидно, что эта критика призвана предварить доказательства того, что все это удалось самому критику.

РАЗРЫВ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

По всей видимости, отдаление Штайнталя от Гумбольдта ускоряется в «Грамматике, логике и психологии», в особенности, когда он принимается рассуждать о «разделимости языка и мышления»: «Глухонемой мыслит часто понятнее, чем иной говорящий: он даже чаще оказывается умницей и даже без особого обучения обладает религиозными представлениями» [Steinthal, 1855, с. 153–154]. Возможность существования мышления без языка он иллюстрирует примерами сновидений, математического и химического мышления, рецепции музыкальных произведений и картин [там же, с. 154–155] и даже способности изучить иностранный язык [там же, с. 158]. Вербальное мышление он не относит к вершинам человеческой когниции, оно лишь промежуточная ступень между низшими ступенями, на которых превалирует созерцание внешних и внутренних образов, и ситуациями, когда «дух пытается избавиться от этого груза звука на более высокой ступени своего формирования», нуждаясь при этом в «чувственных знаках» как своей опоре (например, в формулах алгебры) [там же, с. 155].

Очевидно, Штайнталь временами соскальзывает на трактовку языка как исключительно внешней формы, не наполненной самостоятельным содержанием, когда утверждает, что «человек мыслит не в звуках и посредством звуков, а вместе с ними и в их сопровождении», так что «ни действительность мышления не зависит и не становится возможной благодаря соединению его со звуком, ни слово и понятие, язык и мысль не становятся идентичными в силу их присоединения друг к другу» [там же, с. 156]. Более того, он усматривает проблему в том, что «человеческое мышление всегда и везде остается тем же самым», в то время как «в языке, проявляется отличие от регулярных отношений, которое не может быть безразлично для образа мышления как такового, то есть для психологической деятельности» [там же, с. 157]. Автономность мышления подкрепляется его утверждением о том, что

оно «обладает собственными формами, которые не имеют ничего общего с их языковым сиянием, своими логическими и метафизическими формами; язык же располагает своим материалом» [там же, с. 358]. К последнему, кроме собственно звука, он относит «инстинктивное самосознание», которое всего лишь «поставляет краски и контуры для отображения мысли говорящим» [там же, с. 358]. В этом видится, несмотря на все старания Штайнталя, сведение роли языка к обслуживанию мышления в качестве средства его экстерииоризации в «реальном говорении», добавляющего к собственному мыслительному материалу лишь некие нюансы.

Особый статус слово приобретает лишь в период первичной номинации: «Оно обозначает ту единицу, с которой связана сумма восприятий, неизменное ядро, остающееся прочным, даже если отдельные признаки меняются» [там же, с. 320]. Эта точка зрения придает новый смысл этимологии – как попытке реконструировать первичные восприятия языкового коллектива на ранней стадии формирования языка. Это же объясняет постепенную трансформацию понимания почерпнутой у Гумбольдта терминологии в более зрелых публикациях Штайнталя. Так, уже в 1860 года внутренняя форма связывается им с семантикой слова, так что «языки весьма многообразно различаются и по их внутренней стороне, в отношении значения. Ни в одном языке практически нет ни одного слова и ни одной формы, которые полностью совпадали бы со словом или с формой другого языка по их значению» [Steinthal, 1860, с. 299]. Но подобные озарения можно считать лишь исключениями из общего собственного теоретического массива, созданного и активно продвигавшегося в основанном Штайнталем и М. Лацарусом известном журнале.

БЕЗУСПЕШНАЯ ЦЕЗУРА

Хотелось бы завершить историю «достраивания» гумбольдтова учения Штайнталем неким покаянным сюжетом – ученик, превративший идеи учителя в излюбленную мишень, по мере научного и жизненного взросления осознает свои ошибки и возвращается к чистому источнику, который он успел замутить своими высокомерными интерпретациями. К такому эпилогу в работах Штайнталя 1880-х годов располагает хотя бы то обстоятельство, что после смерти соратника и издателя трудов братьев Гумбольдтов, профессора Берлинского университета И. К. Э. Бушманна (1805–1880) Берлинская королевская библиотека приобретает его коллекцию манускриптов, среди которых имелись и рукописи работ Гумбольдта по языкознанию. Приглашенный издательством «Дюммлер» в

качестве редактора собрания этих работ Штайнталь проникновенно отмечает в предисловии: «Я постоянно испытывал сильнее или слабее, в зависимости от настроения, такое чувство, что я не могу сказать: я понимаю Гумбольдта полностью и действительно. Этого я не забывал и в тот период, когда критика превалировала в моих литературных высказываниях о Гумбольдте, коя не отсутствовала даже в дни моей полной преданности ему. Я могу, более того, признать истины ради: во все времена мое уважение перед этим мыслителем было сильнее, чем моя критика, а еще сильнее, чем уважение, была моя любовь к нему... Теперь я знаю, что я его тогда не полностью понимал» [Steinthal, 1884, с. 1–2]. Более того, он признает, что новое, более полное и точное понимание идей Гумбольдта «стало возможно лишь потому, что я стремился забыть самого себя» [там же, с. 3].

Ознакомившись с работами, вошедшими в сборник 1884 года, Штайнталь рассматривает «всё, сказанное о Гумбольдте, прежде, как более не существующее, как погруженное в царство забвения», в том числе и его собственные выводы и оценки [там же, с. 4]. В то же время он приписывает себе одному способность разобраться в хитросплетениях гумбольдтовой концепции. Теперь Штайнталь с большим пиететом отдает должное заслугам Гумбольдта, поскольку «философия языка начинается с него, возникла в нем... Его взгляды на сущность языка и форму языков возникли собственно в нем самом... Он не подхватывал уже существовавшее, и его идеи нельзя вывести из предыдущего. Его можно объяснить только, исходя из него самого» [там же, с. 13].

Подобная переоценка собственного понимания идей Гумбольдта, равно как и прочих попыток его интерпретировать, должна была увенчаться и новыми оценками научного стиля и концептуального наследия мастера. Однако уже через четыре года в последней крупной публикации, имеющей отношение к концепции Гумбольдта, в третьем издании монографии «Происхождение

языка», Штайнталь не удерживается от соблазна повторить свои старые интерпретации, к примеру, термина *energeia*, которая «и есть речь», «строга говоря, определение сиюмоментного говорения; но в истинном и сущностном смысле можно рассматривать лишь целостность этого говорения в качестве языка» [Steinthal, 1888, с.59–60]. Итоговый вывод не приносит ничего неожиданного: «Гумбольдт удовольствовался тем, что заставил свою теорию настолько сохранять молчание, чтобы она не искажала рассмотрение отдельных фактов» [там же, с. 107].

Справедливости ради стоит упомянуть, что к концу 1880-х годов научные занятия Штайнталья определялись иными темами: собственной концепцией этнопсихолингвистики, иудаистикой, философией религии, мифологией и этикой [Wiedebach, Winkelmann, 2002, с. XV]. Возвращение к Гумбольдту было лишь данью научным исканиям юности, основным выводам которых он оставался верен до конца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ревизия лингвоисториографических аксиом приобретает актуальность по мере того, как открываются все новые биографические факты, публикуются неизвестные до того труды классиков языкознания, обнаруживаются доказательства существенного влияния жизненных обстоятельств, окружения и личных мотивов на научные изыскания значимых персоналий в истории нашей науки. Возможно, нам предстоит открытие нового Штайнталья, личность которого осветят по-новому письма, дневники, неизвестные на данный момент или пылящиеся в архивах забытые манускрипты. Погружение в эту, казалось бы, не всегда строго научную материю может стать тем решающим фактором, благодаря которому и мы, как когда-то Штайнталь, признаем: во все времена наше уважение к этому мыслителю было сильнее, чем наша критика, а еще сильнее, чем уважение, была наша любовь к нему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алефиренко Н.Ф. История лингвистических учений. Белгород: БелГУ, 2013.
2. Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016.
3. Лукин О.В. История языкознания с VI в. до н. э. до середины XX в. Ярославль: Редакционно-издательский отдел Ярославского государственного педагогического университета, 2015.
4. Humboldt W. von. Schriften zur Sprachwissenschaft. Boston: BRILL, Schöningh, 2009. Bd. 4. Mittelamerikanische Grammatiken / Hrsg. v. M. Ringmacher, U. Tintemann.
5. Brenner P.J. Wilhelm von Humboldt – ein Zeitgenosse des 21. Jahrhunderts? // Universitas. 2017. Vol. 72. S. 5–28.
6. Радченко О.А. Гумбольдтианство // Большая российская энциклопедия: в 30 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 8. С. 153.

7. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts // Humboldt W. von. Gesammelte Werke. Bd. VI. Berlin: Reimer, 1848. S. 1–425.
8. Humboldt A. von. Vorwort zum Kawiwerk // Humboldt W. von. Werke, hrsg. v. A. Leitzmann. Berlin: Behr's Verlag, 1907. Bd. VII. S. 345–349.
9. Bondi D. La Psychologie des peuple entre histoire, langue et culture: la pensée et l'œuvre de Heymann Steinthal // Bérose – Encyclopédie internationale des histoires de l'anthropologie. Paris: BEROSE, 2021. URL: <https://www.berose.fr/article2470.html>
10. Klautke E. The mind of the nation: Völkerpsychologie in Germany, 1851–1955. New York, Oxford: Berghahn, 2016.
11. Waller C. Aux origines d'une science allemande de la culture. Linguistique et psychologie des peuples chez Heymann Steinthal. Paris: CNRS éditions, 2006.
12. Wiedebach H., Winkelmann A. Chajim H. Steinthal, Sprachwissenschaftler und Philosoph im 19. Jahrhundert. Boston: BRILL, 2002 (Studies in European Judaism, 4).
13. Steinthal H. Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. Berlin: Dümmler, 1848.
14. Радченко О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. №3. С. 96–125.
15. Steinthal H. Die Classification der Sprachen. Dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin: Dümmler, 1850a.
16. Steinthal H. Der heutige Stand der Sprachwissenschaft // Allgemeine Monatsschrift für Literatur Halle: C. Schwetschke, 1850b. Heft 1. S. 98–110, 209–214.
17. Steinthal H. Wilhelm von Humboldt // Allgemeine Monatsschrift für Literatur, Halle: : C. Schwetschke, 1850c. Heft 1. S. 214–217.
18. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin: Dümmler, 1855.
19. Steinthal H. Über den Idealismus in der Sprachwissenschaft // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1860. Heft 1. S. 294–328.
20. Steinthal H. Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Erste Hälfte. Berlin: Dümmler, 1884.
21. Steinthal H. Ursprung der Sprache. Im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Eine Darstellung, Kritik und Fortentwicklung der vorzüglichen Ansicht von H. Steinthal. 4. Aufl. Berlin: Dümmler, 1888.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2013). Istorija lingvisticheskikh uchenij = History of Linguistic Teachings. Belgorod: BelGU. (In Russ.)
2. Danilenko, V. P. (2016). Obshhee jazykoznanie i istorija jazykoznanija: kurs lekcij = General linguistics and history of linguistics: course of lectures. 3rd ed., ster. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
3. Lukin, O. V. (2015). Istorija jazykoznanija s VI v. do n. je. do serediny XX v. = History of linguistics from the 6th century BC till the middle of the 20th century. Yaroslavl: Editorial and Publishing Department of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. (In Russ.)
4. Humboldt, W. von. (2009). Schriften zur Sprachwissenschaft. Bd. 4. Mittelamerikanische Grammatiken. Hrsg. v. M. Ringmacher, U. Tintemann. Boston: BRILL, Schöningh.
5. Brenner, P. J. (2017). Wilhelm von Humboldt – ein Zeitgenosse des 21. Jahrhunderts? Universitas 72. S. 5–28.
6. Radchenko, O. A. (2007). Gumbol'dtianstvo = Humboldtianism. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Vol. 8. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. P.153. (In Russ.)
7. Humboldt, W. von. (1848). Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Humboldt W. von. Gesammelte Werke. Bd. VI. Berlin: Reimer. S. 1–425.
8. Humboldt, A. von. (1907). Vorwort zum Kawiwerk. Humboldt W. von. Werke, hrsg. v. A. Leitzmann, Bd. VII. Berlin: Behr's Verlag. S. 345–349.
9. Bondi, D. (2021). La Psychologie des peuple entre histoire, langue et culture: la pensée et l'œuvre de Heymann Steinthal. Bérose – Encyclopédie internationale des histoires de l'anthropologie. Paris: BEROSE. <https://www.berose.fr/article2470.html>
10. Klautke, E. (2016). The mind of the nation: Völkerpsychologie in Germany, 1851–1955. New York, Oxford: Berghahn.
11. Waller, C. (2006). Aux origines d'une science alle-mande de la culture. Linguistique et psychologie des peuples chez Heymann Steinthal. Paris: CNRS éditions.

12. Wiedebach, H., Winkelmann, A. (2002). Chajim H. Steinthal, Sprachwissenschaftler und Philosoph im 19. Jahrhundert. Boston: BRILL (Studies in European Judaism, 4).
13. Steinthal, H. (1848). Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. Berlin: Dümmler.
14. Radchenko, O. A. (2001). Lingvofilosofskiye opyty V. fon Gumbol'dta i postgumbol'dtianstvo = W. von Humboldt's essays on language philosophy and post Humboldtianism. Topics in the Study of Language, №3, 96–125. (In Russ.)
15. Steinthal, H. (1850a). Die Classification der Sprachen. Dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin: Dümmler.
16. Steinthal, H. (1850b). Der heutige Stand der Sprachwissenschaft. Allgemeine Monatsschrift für Literatur. Halle: C. Schwetschke. Heft 1. S. 98–110, 209–214.
17. Steinthal, H. (1850v). Wilhelm von Humboldt. Allgemeine Monatsschrift für Literatur. Halle: C. Schwetschke. Heft 1. S. 214–217.
18. Steinthal, H. (1855). Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin: Dümmler.
19. Steinthal, H. (1860). Über den Idealismus in der Sprachwissenschaft. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, Heft 1. S. 294–328.
20. Steinthal, H. (1884). Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Erste Hälfte. Berlin: Dümmler.
21. Steinthal, H. (1888). Ursprung der Sprache. Im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Eine Darstellung, Kritik und Fortentwicklung der vorzüglichen Ansicht von H. Steinthal. 4. Aufl., Berlin: Dümmler.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
 Московского государственного лингвистического университета

Аликаев Рашид Султанович

доктор филологических наук, профессор
 заведующий кафедрой немецкой и романской филологии
 Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Radchenko Oleg Anatolievich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
 Moscow State Linguistic University

Alikaev Rashid Sultanovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Head of the Department of German and Romance Philology
 Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov

Статья поступила в редакцию	22.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	